

да было им нас не достать!
И время летело. Но к тёмному часу закончились силы,
иссякли припасы
под метеоритным дождём,
и птица усталая – ниже и ниже, а враг смертоносный –
всё ближе и ближе:
погибнем вот-вот, упадём!
Я вижу её воспалённые очи,
сверкнувшие слева в предсердии ночи,
нож – словно палач во плоти,
хватать! – шмат от ноги от своей отрезаю
и в жерло сухое с размаху бросаю:
ешь, птица, родная, лети.
Вот справа глядит – я от боли аж вою,
но кровь направляю горячей струёю
солёной заменой воде...
Мне дух вышибает – взорляем над миром,
и солнце сияет священным потиром
в предвечном прекрасном нигде!
Куда мы летим? Ах, не спрашивай, сердце...
мне б к птице прижаться, зарыться, согреться,
и только вперёд и вперёд.
Друг друга спасая, мы снова и снова
пронзаем пространства пласты и основы,
лишь ветер за нами орёт...
Но скоро закончится мясо на теле,
и кровь иссякает, и дух на пределе,
и снизу – миазмы разрух.
А мы всё стремимся с бессмертием слиться...
о, жизнь моя птица, упрямая птица,
не рухни же,
Русская Рух!

* * *

И сошлись однажды наши да враги,
призывает каждый: «Боже, помоги!»
Все несут иконы, крестятся пучком,
все кладут поклоны, падают ничком...

Магазин заряжен, через грудь калаш,
наши в камуфляже, вражий камуфляж.
Если глянуть с неба – как одна семья!
Что вам: мало хлеба, люди-братовья,
нету в реках рыбы, зверя нет в лесах,
овоща в садыбах, солнца в небесах?!
Не сыскали слова, чтобы мир сберечь –
чи скінчилась мова, аль иссякла речь?
Голубые очи, светлые чубы –
и никто не хочет утром лечь в гробы,
серые, зелёные, в ранней седине
словно спелённые в проклятом огне,
чёрные да карие, волосы как смоль
всем одно мытарить, всем едина боль.
Завтра снова битва, затишь недолга.
Слышится молитва в лагере врага,
наши в храмах тоже, наших не сломать...
Вот кому Ты, Боже, будешь помогать?

* * *

когда даёшь мне слёзы покаянья
я ничего что свыше не хочу
в обсолонённом горестном сиянье
смотрю в окно как в очи палачу
закат готов сияет куколь алый
апрельской плахой поле вдалеке
в стакане пойло с привкусом металла
цветок помятый из венка в руке
стекло поморщась скажет постарела
опухли веки чёрен очерк рта
всё что пылало до конца сгорело
была полна любви теперь пуста
имён ушедших не вмещают святцы
грехи родных я на плечах тащу
как дальше жить кем в новом дне назваться
над кем завою и кому прощу
но я вернусь в библейский виноградник
простой подёнщицей не дочерью увы
смирившись сердцем словно христарадник
прошедший дантовы круги москвы

ну давай раздадим по серьгам всем сёстрам –
 шлюхам честь возвратим а икру осетрам
 и листву что в осенний подол сметена
 возвратим на осину – не хочешь а на
 эту косточку в съеденный персик вернём
 шкуру – соболю пусть серебрится на нём
 а из хлеба мы цельное вынем зерно –
 где ты колос – держи ведь тобой возвращено –
 да – ещё нужно донору сердце вернуть
 не пристало стучать ему в чуждую грудь
 а потом наконец возвратим твою жизнь
 пулю вырвем из тела – и в ствол – подавись
 тут-то выйдут разумцы меня просветить
 мол нельзя ничего ничему возвратить
 ни глазам моим слёзы ни слово глупцу
 ни добычу в породу ни шерсть на овцу
 ни утробу ребёнку ни солнцу тепло
 ни умершему – им причинённое зло
 и того кто ступил на безстыдия путь
 не догнать не обнять не позвать не вернуть
 но я снова своё жестковийная гну
 я смогу
 я верну

болезнь научит так молиться чтоб сердцу за людей побиться
 без слёз – на веках сразу соль
 гляжу туда где Богу быть бы – в прицеле азимут целитьбы
 луна небесная буссоль
 а в дольном мире столько горя – уже у губ людское море
 я много суток не спала
 сижу в квартире как в пещере а под окно приходят звери
 и просят хлеба и тепла
 а к шуйце книжица Завета как приросла – источник света
 мне ток не нужен по ночам

десница ж помнит только это – взмах в ожидании ответа –
ко лбу в утробу по плечам
и вдруг – прохлада по зализам
схвачусь за край бесплотной ризы –
ну здравствуй пакибытиё
«прошу молитв» вослед мне снова – я падаю нет сил на слово
возьмите ж главное моё

СТАРАЯ ПЕСНЯ О ВОЙНЕ

*Памяти бабушки моей,
Анастасии Кирилловны Лукьяновой,
в замужестве Ревенко*

«Ой, бедная избушка стояла край села,
а в той худой избушке – там вдовушка жила», –
так бабушка мне пела, январская метель
за окнами кипела...
Тверда была постель:
между стеной и печкой настил из горбыля,
под ним – тайник в дощечках, под тайником – земля
тихонечко дышала, пригревшись до весны
под тёплым одеялом снежнейшей белизны.
А наше-то – отброски, пестрядинка, лоскут,
их с каждой смены сёстры под кофтой волокут
и складно так сшивают в цветное полотно,
что и во тьме играет да радуется оно;
та, что помладше – Валя, родившая меня,
та, что постарше – Надя, крестившая меня.
«Шли мимо два товарища, просились ночевать:
Пусти, пусти, хозяйюшка, хоть ночку переспать!»
И к нам стучались, было, но всем одно в ответ
Кирилловна рубила: мол, в хате места нет,
и уходила плакать, хлестнув скобой, в чулан...
Дед мой родной Иаков и неродной Степан
с двух карточек взирали, жалеючи её,
на горькие печали, на вдовье житиё...
«Простите меня, люди, я с поля поздно шла,
я печку не топила, гостей я не ждала...»

Да, помню это поле.

На тысячи гектар

кладбище бабьей доли, болото да угар
работы агрегатной меж буряковых гряд,
безжалостный, бесплатный, затрудодневный ад!

Ещё ж своё хозяйство: чтоб прокормить детей,
скачи, Настасья, зайцем, трудись, не ешь, не пей,
паши, от боли воя, тяни, небога, гуж!

Своих-то только двое, приёмных – девять душ.

Но без разбору масти, Господь свидетель тут –
всех выходила Настя, все мамою зовут.

«Не хлопочи, хозяйюшка, спасибо за приём,
мы ночку поночуем, а поутру уйдём!»

Поцеловав в затылок, гребла меня тесней
к себе...

Хоть печь остыла, мне жарко было с ней,
ладони, словно тёрки, шершавы и грубы
не разглядишь под коркой извилины судьбы.

«А где же муж и дети, где близкие твои?

Ведь тяжко жить на свете без ласки да любви!»

Всё было – да и сплыло...

Один её любил,

другого полюбила сама, хоть пил да бил.

Она девчонкой-крохой до нашего села
из Оренбурга пёхом с семьёй своей дошла.

Росточком невелика, сухая как чехонь,
и не царевна ликом, да словно в ней огонь,
горючей керосину лукьяновская прыть –
как Ревенкову сыну такую не любить?!

Уж он лелеял жинку, потворствовал ей так,
парадные ботинки пошил, он был мастак:
на крашенных подборах, старинных крепежах,
в китайках да узорах – иди, пляши, душа!

«Ой, в сорок первом годе, как началась война,
я мужа проводила, сыночка отдала», –

так выпевала горько, что вьюга, как вдова,
ломилась в ставень створки,
крича печаль-слова...

А дед-то мой Иаков с войны вернулся всё ж.

С одним отличным знаком – всадил сапёрный нож
фашист ему под печень молоденький, смеясь.
Прикрыться было нечем – вдохнул и рухнул в грязь...
«Мне в госпитале тужно», – и через месяц он,
кривой, худой, недужный, догнал свой батальон.
От Бохумилиц глинных на чешском берегу
до самого Берлина дошёл с дырой в боку!
Ни орденов, ни прочих...
Я как-то не спала –
и вдруг в архивах ночью медаль его нашла
простую:
«За отвагу».
На сайте Подвиг.ру.
И с этой вот бумагой за пазухой помру...
Обычный пехотинец не знал, что он герой.
Такой вот украинец был дед Иаков мой.
Да хрен бы на всё это!
Но фриц его убил:
дед прожил только лето – рак печени сгубил.
Хоть бабушка с развесу корову продала,
к профессору в Одессу супруга отвезла,
но врач лишь сгорбил спину, в приёмный выйдя зал,
и даже «цеппелины» трофейные не взял.
«Они наутро встали, в светёлочку зашли,
подарки доставали, с поклоном ей несли...»
Ох, нынче с горькой силой кляню себя, кляню –
что ж я не задарила тебя за ту войну,
добром не закидала!
Прости меня, молю...
И говорила мало, как я тебя люблю.
На память не спросила твой плюшевый жакет,
который ты носила не знамо сколько лет,
из чёрных штор советских, со вставкой голубой,
он счастьем моим детским пропах насквозь –
тобой...
«Она на них взглянула и вдруг всё поняла:
родные к ней вернулись, кого давно ждала!»
И я ждала – вот этой ликующей строки:
у нашего порога стояли мужики,

